

СТАТЬЯ

УДК 159.99

**СТРАХИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕСТРУКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ
В СИСТЕМЕ «РОДИТЕЛЬ – РЕБЕНОК»
(НА ПРИМЕРЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)****Смирнова А.Е., Серебрякова Т.А.***ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина»,
Нижний Новгород, e-mail: e-serebrya@yandex.ru*

Цель статьи – основываясь на результатах реализации экспериментального исследования, установить связь в системе «родитель – ребенок» и модальности эмоциональных состояний младших школьников, в частности детских страхов. Рассматривая страхи как врожденное и очень сильное эмоциональное состояние человека, характеризующееся наличием объекта угрозы и инстинктом самосохранения, а страхи детей младшего школьного возраста – как следствие кардинальных трансформаций не просто жизни и деятельности ребенка, а социокультурной ситуации их развития в целом, авторы исследования разработали комплексную диагностическую программу, направленную на изучение как страхов младших школьников, так и особенностей общения родителей с детьми. Экспериментальная апробация разработанной программы мониторинга показала, что страхи типичны для абсолютного большинства младших школьников – участников нашего исследования (87%). Обращают внимание на наличие у них социальных страхов 28% респондентов (почти 1/3). Оптимальное же общение родителей с детьми, предполагающее кооперацию в качестве доминирующего типа отношений с ребенком, демонстрируют лишь 26% родителей. Полученные диагностические данные показали наличие связи между детскими страхами и общением детей с их родителями и составили основу для разработки программы психолого-педагогического сопровождения процесса оптимизации общения родителей с детьми младшего школьного возраста и, как следствие, снижения страхов младших школьников.

Ключевые слова: психологическое здоровье, детские страхи, младший школьный возраст, общение в системе «родитель – ребенок»

**FEARS AS A RESULT OF DESTRUCTIVE COMMUNICATION
IN THE PARENT-CHILD SYSTEM
(ON THE EXAMPLE OF PRIMARY SCHOOL AGE)****Smirnova A.E., Serebryakova T.A.***Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod,
e-mail: e-serebrya@yandex.ru*

The purpose of the article: based on the results of the experimental study, to establish a connection in the parent-child system on the modality of emotional states of younger students, in particular, children's fears. Considering fears as an innate and very strong emotional state of a person, characterized by the presence of an object of threat and the instinct of self-preservation, and the fears of younger schoolchildren – as a consequence of radical transformations not just in the life and activity of the child, but in the socio-cultural situation of their development as a whole, the authors consider it possible to say that the emergence of fears in younger schoolchildren can be associated with the lack of harmony in the communication of children with their parents. Understanding communication as a form of manifestation of subjectivity and personal activity of the child, a condition for his effective socialization, the authors of the study developed a comprehensive diagnostic program aimed at both studying the fears of younger students and the features of communication between parents and children. Experimental testing of the developed monitoring program showed that fears are typical for the absolute majority of younger students – participants in our study (87%). 28% of respondents (almost 1/3) pay attention to the presence of social fears. Optimal communication of parents with children, which implies cooperation as the dominant type of relationship with the child, is demonstrated by only 26% of parents. The obtained diagnostic data showed the presence of a connection between children's fears and children's communication with their parents and formed the basis for developing a program of psychological and pedagogical support for the process of optimizing communication between parents and children of primary school age and, as a result, reducing the fears of primary school children.

Keywords: psychological health, childhood fears, primary school age, communication in the parent-child system

Введение

Проблема сохранения психологического здоровья и благополучия в настоящее время является одной из актуальных проблем, привлекающих пристальное внимание представителей всех наук о человеке.

Интерес ученых к данной проблематике объективно обусловлен технологическими и социокультурными трансформациями, типичными для современности и негативно влияющими на здоровье, эмоциональную стабильность и комфортную жизнедеятельность человека.

Особо пристальное внимание исследователей обращено к поиску средств и способов не только сохранения, но и укрепления психологического здоровья в целом и эмоциональной его составляющей у подрастающего поколения, в силу своей возрастной специфики максимально не защищенного от негативных влияний социума. И одним из таких факторов, оказывающих непосредственное влияние в том числе на аффективную стабильность личности, выступает общение.

Цель работы – опираясь на результаты экспериментального исследования, рассмотреть влияние общения в системе «родитель – ребенок» на сбалансированность и модальность эмоциональных состояний младших школьников. Акцент при этом сделан на изучение детских страхов.

Материалы и методы исследования

Основными методами, которые были использованы в рамках данного исследования, стали метод теоретического анализа и эксперимент, интеграция которых обеспечила как детальное изучение условий возникновения и специфики проявления страхов у детей младшего школьного возраста, их влияния на полноценное развитие младших школьников, так и возможность установить взаимосвязь между детскими страхами и общением с детьми их родителей.

Результаты исследования и их обсуждение

Первым этапом исследования стал теоретико-методологический анализ исследований в области проблемы детских страхов.

Проследив историографическую ретроспективу в области данной проблематики, был сделан вывод о том, что проблема страхов имеет весьма продолжительную историю изучения: страхи исследовались древнегреческим философом Аристотелем, швейцарским врачом и философом XVI столетия Парацельсом. Даже английский писатель XVIII в. Д. Дэфо обращается к данной проблематике. При этом все мыслители, трактуя страхи как болезнь, отмечают их деструктивные последствия для жизни и деятельности человека.

Аналогичные идеи относительно негативного влияния страха на жизнь и здоровье человека мы встречаем и в работах современных ученых, которые страх определяют преимущественно как сильное эмоциональное состояние, следствием которого объективно возникает целый спектр негативных (не только для гармоничного развития, но и для здоровья и даже жизни человека) последствий: неуверенность, незащищен-

ность, отсутствие безопасности, приводящее к устойчивому ощущению угрозы для своего физического и психологического состояния (результаты исследований К. Изард [1, с. 98]).

Опасение за социальное или биологическое благополучие как следствие страха выделяет В.В. Юрчук [2, с. 697]. Л.С. Выготский, обращая внимание на негативное влияние страха как на психические проявления, так и на поведение человека, отмечает, что интенсивный страх значительно ограничивает мышление, восприятие и свободу выбора и действий человека, заставляя его целиком сосредоточиться на избегании опасности или устранении угрозы. В результате личность теряет свою автономию и подчиняется единственному стремлению – сохранить себя от опасности [3, с. 513].

Как интеграцию эмоций отрицательной модальности и интенсивное возбуждение, возникающее в тесной связи с переживаемыми ситуациями реальной или мнимой опасности, характеризует страх Ю.Н. Фархутдинова [4, с. 9], рассматривая его в том числе как следствие иррационального мышления человека.

Обращаясь же к проблеме генезиса страхов, большинство исследователей склонны отмечать его врожденную основу, характеризуя его, как «онтогенетический ранний инстинкт» человека (У. Джеймс [5, с. 81]), инстинктивно воспроизводимую реакцию предков (С. Холл [6, с. 137]), «первичные эмоции» (Р. Плутчик [7, с. 91]).

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что страх – это врожденное и сильное психоэмоциональное состояние человека, основывающееся на сублимированных эмоциях отрицательной модальности, возникающее как следствие переживаемых человеком негативных ситуаций жизни и деятельности и характеризующееся наличием объекта угрозы и инстинктом самосохранения. И максимально негативные последствия для нормативной жизни и деятельности страхи, несомненно, имеют на базовых уровнях онтогенеза, в том числе в младшем школьном возрасте, что объективно обусловлено кардинальным изменением социальной ситуации ребенка (он попадает в новый для него коллектив, у него значительно меняется социальная роль – он ученик, его жизнь в рамках учебной деятельности становится сопряжена с необходимостью выполнять множество правил и требований и т.д.), а ребенок к этому может быть и не готов (результаты исследований Л.С. Выготского [3, с. 524] и Х.А. Магомедовой [8, с. 84]). В результате возникает множество внутренних конфликтов, свя-

занных с замечаниями учителя, неудачами при выполнении заданий, переутомлением. Как следствие, у обучающихся начальных классов могут развиваться и страхи, негативно влияющие не только на успешность в обучении, но и на общение – как со сверстниками, так и с взрослыми. И в первую очередь с близкими взрослыми – родителями, в чей помощи и поддержке ребенок нуждается больше всего! У детей же, испытывающих дефицит общения и положительных эмоциональных контактов с близкими взрослыми, страхи усиливаются (результаты исследований В.Н. Белкиной [9, с. 29]).

Опираясь на полученные теоретические данные и интерпретируя общение как форму проявления субъектности и личностной активности ребенка, условие его эффективной социализации, на втором этапе исследования была спроектирована комплексная программа мониторинга, направленная на изучение как страхов младших школьников, так и специфики общения родителей с детьми.

В диагностический портфель для детей младшего школьного возраста вошли:

- структурный опросник детских страхов Л.С. Акопяна [10, с. 128], представленный 18 вопросами открытого типа, на которые младшие школьники отвечают самостоятельно. По итогам осуществляется анализ детских страхов, исходя из следующих параметров оценки: «наличие, отсутствие или многообразие страхов у ребенка; наиболее интенсивно переживаемый ребенком страх и отнесение его к какой-либо группе страхов». Также детские страхи анализируются с позиций их пространственного распределения «самое опасное и безопасное место для ребенка» и их распределения во времени «прошлые страхи ребенка – когда он вспоминает себя в более младшем возрасте; будущие страхи ребенка – когда он представляет себя взрослым». Значимо и то, что данная методика позволяет исследовать стратегии поведения ребенка в ситуации страха;

- проективная методика А.И. Захарова «Мои страхи» [11, с. 72], направленная на выявление доминирующих страхов и интенсивность их переживания детьми. Методика включает 8 вопросов открытого типа и предполагает самостоятельное заполнение бланка школьниками. Интерпретация результатов предполагает качественный анализ страхов ребенка по шести критериям: наличие, отсутствие или разнообразие страхов у ребенка; наиболее сильно переживаемый страх и его классификация по группам (медицинские страхи, страхи смерти, страхи, связанные со сновидениями, простран-

ственные страхи, страхи физического ущерба, страхи животных и сказочных персонажей, социально опосредованные страхи); страхи, связанные с положением ребенка в пространстве (определение самых опасных и безопасных мест для ребенка); страхи, обусловленные временным контекстом (воспоминания о страхах более раннего возраста или страхи, связанные с представлениями о себе в будущем – во взрослом возрасте). Оцениваются также возможные реакции ребенка в ситуациях, когда он испытывает страх, и страхи родителей и их соответствие страхам ребенка;

- методика А.И. Захарова и М.А. Панфиловой «Страхи в домиках» [11, с. 91], предполагающая конкретизацию и уточнение информации о преобладающих у респондентов видах страхов. Респондентам предлагается страхи (всего в рамках данной методики озвучивается 31 страх) распределить по домикам. В красный домик «помещать» нестрашные страхи, а в черный – страшные. Полученные данные сопоставляются с нормативными показателями.

В диагностическую программу для родителей вошли:

- «Тест-опросник родительского отношения» А.Я. Варги, В.В. Столина [12, с. 95], представленный 61 вопросом, ответы на которые соотносятся с пятью шкалами, раскрывающими специфику родительского отношения к своим детям;

- «Тест семейных отношений» Д. Антони и Е. Бене [13, с. 22], позволяющий изучить специфику общения и отношения родителей к своим детям с позиций детей, что, с точки зрения авторов статьи, ценно, поскольку повышает уровень объективности и достоверности полученных диагностических данных.

Третьим этапом исследования стала реализация разработанной диагностической программы, экспериментальная апробация которой показала, что количество страхов, превышающее нормативные для младшего школьного возраста показатели, типично для абсолютного большинства младших школьников – участников нашего исследования (87%).

Обращаясь к более детальному анализу полученных экспериментальных данных, следует также отметить, что наиболее часто встречающимися и максимально значимыми, как свидетельствуют результаты реализации структурного опросника детских страхов Л.С. Акопяна [10, с. 128], являются страх смерти (55% респондентов), животных (48% респондентов), страхи, связанные с причинением физического ущерба (38% респондентов). Аналогич-

ные данные получены и при реализации проективной методики А.И. Захарова «Мои страхи» [11, с. 72], а также методики А.И. Захарова и М.А. Панфиловой «Страхи в домиках» [11, с. 91].

Интересно, что 28% респондентов типичными для себя называют социальные страхи и 27% – страхи, связанные с пространством, в котором они находятся (темноты, одиночества). При этом, обозначая как самое опасное место для себя улицу и подвал, многие дети не называют в качестве самого безопасного места дом, испытывая затруднения при ответе на данный вопрос.

Отвечая же на вопрос о том, как можно противодействовать страхам, большинство респондентов (62%) выбрали пассивно-защитные способы поведения: бегство от агрессора, избегание агрессора, отрицание страха, замирание и маскировка и некоторые другие вариации пассивных форм поведения.

О наличии большого количества страхов свидетельствует также цвет карандаша, который выбирали дети для своих рисунков (черный, коричневый, темно-фиолетовый – свидетельство того, что респондентам свойственны отсутствие жизнерадостности, пониженный тон настроения, большое количество страхов, с которыми дети не могут справиться); сильный нажим карандаша на лист бумаги при рисовании (свидетельствует о наличии у респондента тревожности, попытках агрессивно подавить источник страха, повышенной эмоциональной напряженности); штриховка рисунка (указывает на устойчивость страха); «запачканный» рисунок (также является свидетельством повышенного уровня страха и тревоги) (результаты реализации проективной методики А.И. Захарова «Мои страхи» [11, с. 72]).

Принимая во внимание, что объективным фактором, влияющим на формирование страхов младших школьников, являются психологические аспекты формирования личности ребенка (самосознание, самооценка младшего школьника) (результаты исследований З.И. Айгумовой [14, с. 54]), которые непосредственно и объективно связаны с характером, направленностью и содержательным наполнением взаимоотношений ребенка как с его сверстниками, так и с взрослыми (особенно близкими взрослыми – его родителями), и реализовав диагностические методики, ориентированные на изучение общения в системе «родитель – ребенок», было найдено подтверждение данным выводам:

– Лишь для 26% родителей типичной является кооперация как отношение к своему ребенку (результаты реализации «Те-

ста-опросника родительского отношения» А.Я. Варги, В.В. Столина [12, с. 95]). Вместе с тем именно данный тип отношений в системе «родитель – ребенок» является самым оптимальным и эффективным, не просто демонстрируя, а подтверждая реальную заинтересованность родителей своими детьми, их интересами, потребностями и возникающими проблемами, поощряя детей, стремясь в каждой ситуации «встать на позицию ребенка», быть с ними «на равных».

– У 17% родителей фиксируется симбиоз в отношениях со своим ребенком. Авторы данной методики так интерпретируют данный тип отношений родителей к своим детям: «Шкала отражает межличностную дистанцию в общении с ребенком. При высоких баллах по этой шкале можно считать, что родитель стремится к симбиотическим отношениям с ребенком <...> родитель ощущает себя с ребенком единым целым, стремится удовлетворить все потребности ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни <...> постоянно ощущает тревогу за ребенка, ребенок ему кажется маленьким и беззащитным. Тревога родителя повышается, когда ребенок начинает отделяться в силу обстоятельств, так как по своей воле родитель не предоставляет ребенку самостоятельности никогда» [12, с. 97].

– Негативное же отношение к своему ребенку демонстрируют большинство родителей – 57%. Из них 37% придерживаются типа отношения «принятие – отвержение», 12% – «авторитарной гиперсоциализации», и 8% воспринимают своего ребенка как «маленького неудачника».

Данные, полученные по итогам реализации «Теста семейных отношений» Е. Бене [13], также свидетельствуют о выборе большинством родителей неэффективного формата общения и взаимоотношений со своими детьми. Так, отмечая, что от мамы они получают в основном позитивные чувства и эмоции, дети обращали внимание и на то, что мама «всегда недовольна мной», «недостаточно любит меня». Отношение отца к детям еще более негативное. Как отмечали дети, «этот человек иногда ворчит на меня» – 32% респондентов, «этот человек слишком занят, чтобы у него оставалось на меня время» – 25% респондентов, «этот человек всегда недоволен мной» – 20% респондентов, «этот человек иногда зол на меня» – 18% респондентов, «этот человек считает меня глупым» – 15% респондентов, «этот человек делает меня несчастным» – 15% респондентов. Были и выборы, которые свидетельствуют о недопустимом формате общения отца

со своими детьми: «этот человек часто бьет меня» – 12% респондентов, «этот человек слишком часто наказывает меня» – 10% респондентов, «этого человека я боюсь» – 10% респондентов.

Таким образом, неэффективное общение с ребенком со стороны его родителей – самых близких и психологически значимых для ребенка людей, призванных поддерживать и помочь ему в сложных жизненных ситуациях, не только влияет, но и усугубляет страхи в младшем школьном возрасте.

Заключение

Соотнеся данные, полученные по итогам реализации всей программы мониторинга, можно сделать следующий вывод: чем более позитивно окрашены отношения между родителями и их детьми, чем больше родители взаимодействуют со своими детьми, стремясь учитывать их интересы и потребности, тем меньше страхов дети переживают. Следовательно, предположение авторов статьи о наличии объективной связи страхов младших школьников и общением с ними со стороны их родителей нашло подтверждение.

Экспериментальные данные, которые были получены в результате осуществленного исследования, вывод о том, что для большинства родителей младших школьников типично общение с ребенком, не способствующее его развитию, а, напротив, этот процесс осложняющее, позволяют говорить не просто о целесообразности, а об острой необходимости проектирования и последующей планомерной реализации программы, целью которой является в первую очередь оптимизация процесса обще-

ния в системе «родитель – ребенок». Следствием же совершенствования характера, направленности, модальности и содержательного наполнения общения родителей с их детьми младшего школьного возраста станет снижение уровня страхов детей.

Список литературы

1. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2021. 464 с.
2. Словарь практического психолога / сост. В.В. Юрчук. Минск: Харвест, 2020. 800 с.
3. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2024. 1008 с.
4. Фархутдинова Ю.Н. Страхи как детерминанта «магического мышления» у подростков // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 3. С. 7–20.
5. Джеймс У. Беседы с учителями о психологии. М.: Совершенство, 2018. 160 с. (Серия «Классики психологии»).
6. Холл С. Дети: любовь, страх, нравственные недостатки и заблуждения: очерки по детской психологии и педагогике / Пер с англ. М.: URSS, 2020. 444 с.
7. Plutchik R. Emotion: A Psychoevolutionary synthesis. N.Y.: Harper and Row, 1980. 440 p.
8. Магомедова Х.А. Трехфазовое строение «кризиса семи лет» по Л.С. Выготскому // Мировая наука. 2018. № 3 (12). С. 82–86.
9. Белкина В.Н. Психология раннего и дошкольного детства: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 170 с.
10. Акопян Л.С. Детские страхи: теория, диагностика, коррекция: монография. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2019. 163 с.
11. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2020. 152 с.
12. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов Б.А. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2020. 440 с.
13. Бене Е. Диагностика эмоциональных отношений в семье // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 14–41.
14. Айгумова З.И. Психология детей младшего школьного возраста. М.: Юрайт, 2024. 424 с.